

6+

ZATVORNIK YUDIN

ТАМ, ГДЕ ЖИВЁТ ЧУДО
сказки для детей и взрослых

Zatvornik Yudin

Там, где живёт чудо. Сказки для детей и взрослых

<https://litres.ru/74591282>

ISBN 9785007145053

Аннотация

В этом сборнике собраны добрые сказки о самых важных вещах: о дружбе, которая сильнее страха и разлуки; о храбрости, которая живет в каждом сердце; о тишине, которая лечит; о правде, которая освобождает; о чуде, которое всегда рядом-стоит лишь приглядеться.

Жизнь — это тоже сказка, просто мы иногда забываем об этом.

Содержание

Грустный Ангел	5
Глава первая: Земля, которую он видел	7
Глава вторая: Разговор с Хранителем Времени	9
Глава третья: Девочка, которая искала ангела	12
Глава четвёртая: Путешествие вниз	15
— Знаю	16
— Знаю	17
Глава пятая: На земле	19
Глава шестая: Слёзы ангела	21
Глава седьмая: Возвращение	24
Глава первая: Беда пришла тихо	31
Глава вторая: Кто виноват?	32
Глава третья: Дед Мухомор говорит	35
Глава четвёртая: План	37
Глава пятая: Доброе дело	41
Рыцарь Элиан и Чаша Тишины	45
Глава первая: Великий Шум	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Там, где живёт чудо. Сказки для детей и взрослых

Zatvornik Yudin

© Zatvornik Yudin, 2026

ISBN 978-5-0071-4505-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Грустный Ангел

Пролог: Небо, которое умело плакать

Высоко-высоко над облаками, там, где воздух становится прозрачным, как слеза, и где время течёт не так, как на земле, находился Небесный Сад. Это было удивительное место — не то чтобы рай, но и не просто сад. Здесь росли деревья из света, цвели цветы из тишины, а по серебряным дорожкам гуляли ангелы.

Ангелы были разными. Были среди них ангелы радости — они летали быстрее всех и оставляли за собой радужный след. Были ангелы мудрости — они сидели на облаках и наблюдали за миром, записывая важное в книги из звёздной пыли. Были ангелы-хранители — они спускались на землю и оберегали людей, шепча им хорошие сны. Были ангелы надежды — они зажигали звёзды, когда небо становилось слишком тёмным.

А ещё был один ангел, у которого не было особого имени. Другие называли его просто — Тихий. Или — Грустный. Потому что он всегда молчал и всегда грустил.

Он не был плохим ангелом. Вовсе нет. Его крылья были

белоснежными, как первый снег, который ещё не успел коснуться земли. Его глаза были глубокими, как океан, в котором отражается небо. Его руки были тонкими и нежными, как лепестки яблоневого цвета. Но в его глазах никогда не было радости. Только тихая, глубокая печаль.

Другие ангелы не понимали его. Они спрашивали:

— Почему ты грустишь? Разве плохо быть ангелом? Разве плохо жить в Небесном Саду, где всегда тепло и светло?

Грустный Ангел не отвечал. Он только смотрел вниз, на землю, где жили люди. И от этого взгляда его печаль становилась ещё глубже.

Глава первая: Земля, которую он видел

Грустный Ангел любил смотреть на землю. Он мог часами сидеть на краю облака — самом краю, где облако истончается и становится почти невидимым, — и смотреть вниз. Другие ангелы пролетали мимо и удивлялись:

— Что ты там видишь? Там же ничего интересного. Там люди. Они суетятся, строят, воюют, любят, теряют. Зачем смотреть на это, когда можно смотреть на Небесный Сад?

Но Грустный Ангел видел то, чего не видели другие.

Он видел маленькую девочку, которая сидела на ступеньках дома и плакала, потому что её котёнок убежал. Он видел старика, который сидел на скамейке в парке и смотрел в никуда, потому что все, кого он любил, уже ушли. Он видел мальчика, который стоял у окна и смотрел на звёзды, мечтая о том, чтобы кто-нибудь его заметил. Он видел женщину, которая готовила ужин для двоих, хотя уже год ела одна. Он видел мужчину, который работал всю ночь, чтобы прокормить семью, и засыпал прямо за столом.

Грустный Ангел видел всё это — и не мог помочь. Ангелы не могли вмешиваться в жизнь людей. У них была одна задача: оберегать, но не изменять. Направлять, но не решать. Шептать, но не говорить.

И от этого бессилия его печаль росла.

— Зачем я нужен, — спрашивал он себя, — если не могу ничего изменить? Зачем смотреть на боль, если не можешь её унять? Зачем знать о страданиях, если не можешь их прекратить?

Он закрывал глаза и видел лица людей — плачущие, уставшие, одинокие. И его сердце — если у ангелов есть сердце — сжималось от сострадания.

Глава вторая: Разговор с Хранителем Времени

В Небесном Саду был один старый ангел, которого все звали Хранителем Времени. Он был очень-очень старым — настолько, что его крылья пожелтели от времени, а волосы стали белыми, как облака. Он жил в пещере из хрусталя, где хранились песочные часы — по одному на каждого человека. Когда чьи-то часы останавливались, Хранитель Времени забирал их и уносил в Дом Памяти.

Грустный Ангел пришёл к нему однажды. Он не знал зачем. Просто ноги сами привели его к пещере.

— Здравствуй, — сказал Хранитель Времени. — Я знал, что ты придёшь.

— Как ты узнал? — удивился Грустный Ангел.

— По твоим глазам, — ответил старик. — У тебя глаза того, кто видит слишком много и не знает, что с этим делать.

Грустный Ангел сел на камень у входа в пещеру. Он смотрел на бесконечные ряды песочных часов — мил-

лионы, миллиарды часов, — и молчал.

— Скажи мне, — наконец заговорил он. — Почему? Почему мы можем только смотреть? Почему не можем помочь?

Хранитель Времени долго молчал. Он взял одно из песочных часов — маленькие, изящные, с синим песком, — и посмотрел на них.

— Видишь эти часы? — сказал он. — Они принадлежат девочке по имени Аня. Ей восемь лет. У неё умерла мама.

Грустный Ангел вздрогнул. Он знал эту девочку. Он видел её на земле — маленькую, с двумя косичками, которая сидела на подоконнике и смотрела на небо, будто искала там кого-то.

— Она плачет каждый вечер, — продолжал Хранитель Времени. — И каждый вечер её отец садится рядом и держит её за руку. Он не говорит ей «не плачь». Он не говорит «всё пройдёт». Он просто держит её за руку и плачет вместе с ней.

Старик отставил часы и посмотрел на Грустного Ангела.

— Ты хочешь помочь ей? — спросил он. — Тогда пойми одну простую вещь: помощь — это не всегда слова. Помощь — это не всегда действие. Иногда помощь — это про-

сто быть рядом. Просто смотреть. Просто чувствовать. Просто не уходить.

— Но это так мало! — воскликнул Грустный Ангел. — Я хочу сделать больше!

— Больше — это не всегда лучше, — ответил Хранитель Времени. — Ты видишь боль, потому что ты — тот, кто может её видеть. Другие ангелы не видят, потому что они не готовы. А ты готов. Но ты должен понять: твоя задача не в том, чтобы убрать боль. Твоя задача — в том, чтобы быть рядом с тем, кто её испытывает. Иногда это и есть самое большое, что можно сделать.

Грустный Ангел не понял этих слов тогда. Но он запомнил их. Он запомнил их, как запоминают важное — не умом, а сердцем.

Глава третья: Девочка, которая искала ангела

Аня была обычной девочкой. Она любила мороженое, кукол и мультики. Она не любила темноту, грозу и одиночество. Когда-то у неё была мама — самая лучшая мама на свете. Мама читала ей сказки на ночь, заплетала косички, пекла блины с вареньем. Мама пахла корицей и теплом.

А потом мама заболела. Долго болела. И однажды — в самый обычный день, когда солнце светило, а птицы пели, — мама ушла. Куда-то далеко. Туда, откуда не возвращаются.

Аня не понимала, что произошло. Ей говорили: «Мама ушла на небо», «Мама стала ангелом», «Мама теперь смотрит на тебя оттуда». Но Аня не видела никакого ангела. Она видела только пустую кровать, пустой стул за столом, пустое место в её сердце.

Она часто сидела на подоконнике и смотрела на небо. Она искала ангела. Своего ангела. Маму.

— Мама, — шептала она, — ты там? Ты меня видишь? Я тебя не вижу. Почему я тебя не вижу?

Грустный Ангел слышал её. Он сидел на облаке — самом краю облака — и смотрел на неё. И его сердце разрывалось от боли.

— Я здесь, — шептал он. — Я тебя вижу. Я с тобой.

Но Аня не слышала его. Люди не слышат ангелов. Люди видят только то, что могут увидеть глазами.

Однажды Аня пришла к папе. Он сидел за столом и смотрел на фотографию мамы. На фотографии мама улыбалась — счастливая, красивая, живая.

— Папа, — сказала Аня. — А ангелы существуют?

Папа посмотрел на неё. Его глаза были красными — он плакал. Он плакал каждый вечер, когда думал, что Аня не видит.

— Существуют, — сказал он. — Конечно, существуют.

— А почему я их не вижу? — спросила Аня.

Папа задумался. Он не знал, что ответить. Он не знал, как объяснить ребёнку то, чего сам не понимал.

— Потому что ангелы — они внутри нас, — сказал он наконец. — Они в наших сердцах. Мы не можем их увидеть, но мы можем их почувствовать.

Аня не поняла. Она хотела увидеть. Она хотела обнять. Она хотела услышать голос. Но она не знала, как это сделать.

Грустный Ангел видел этот разговор. Он видел, как Аня ушла в свою комнату, села на подоконник и снова стала смотреть на небо. И тогда он принял решение.

Глава четвёртая: Путешествие вниз

Грустный Ангел пришёл к Хранителю Времени.

— Я хочу спуститься, — сказал он.

Хранитель Времени не удивился. Он посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты знаешь, что ангелам нельзя спускаться? — спросил он.

— **Знаю**

— Ты знаешь, что если ты спустишься, ты можешь не вернуться?

— Знаю

— Ты знаешь, что люди могут тебя не увидеть? Ты можешь стоять рядом, а они будут смотреть сквозь тебя?

— Знаю.

— И ты всё равно хочешь?

Грустный Ангел кивнул.

— Я хочу быть рядом. Даже если она меня не увидит. Даже если не услышит. Я хочу, чтобы она знала — она не одна.

Хранитель Времени вздохнул. Он открыл старый сундук, который стоял в углу пещеры, и достал оттуда маленький пузырёк с прозрачной жидкостью.

— Это слёзы ангела, — сказал он. — Тот, кто выпьет их, сможет видеть ангелов. Но это опасно. Люди не созданы для того, чтобы видеть нас. Это может их напугать. Или изменить.

— Но это может помочь? — спросил Грустный Ангел.

— Может, — ответил Хранитель Времени. — А может — нет. Никто не знает.

Грустный Ангел взял пузырёк. Он спрятал его за пазуху — туда, где у людей находится сердце, — и пошёл к краю Небесного Сада. Он стоял на краю облака и смотрел вниз. Там, далеко-далеко, была земля. Там была Аня.

Он закрыл глаза и шагнул вниз.

Глава пятая: На земле

Падение было долгим. Ветер свистел в ушах, облака проносились мимо, как белые птицы. Грустный Ангел падал, и его крылья развевались за спиной, как два белых флага.

Он приземлился на землю мягко, как перо. Он оказался в небольшом дворе, где росла старая яблоня. Яблоня цвела — белые лепестки падали на землю, как снег. А на скамейке под яблоней сидела девочка. Маленькая девочка с двумя косичками. Аня.

Грустный Ангел замер. Он видел её много раз — с высоты облака. Но здесь, на земле, она выглядела иначе. Она была... настоящей. Живой. Её глаза были заплаканными, но в них всё ещё горел огонёк. Тот самый огонёк, который не гаснет, даже когда всё плохо.

Аня смотрела на небо. Она искала ангела.

— Мама, — шептала она. — Ты там?

Грустный Ангел хотел ответить. Хотел сказать: «Я здесь. Я не мама, но я здесь». Но он знал, что она не услышит.

Он подошёл ближе. Он сел рядом с ней на скамейку. Аня не заметила его. Она смотрела на небо, а он смотрел на неё. И в этот момент он понял, что значит «быть рядом».

Это не значит говорить. Это не значит делать. Это значит — просто быть. Сидеть рядом. Смотреть. Чувствовать. Не уходить.

Он сидел рядом с ней, и она не знала об этом. Но она почувствовала что-то. Что-то тёплое. Что-то нежное. Что-то, что окутывало её, как мамины объятия.

— Мама? — прошептала Аня.

Ветер подул, и с яблони упал лепесток. Он упал прямо на ладонь Ани. Белый, мягкий, как перо ангела.

Аня посмотрела на лепесток. Потом на небо. И улыбнулась — впервые за долгое время.

Глава шестая: Слёзы ангела

Грустный Ангел приходил к Ане каждый день. Он сидел рядом, когда она плакала. Он сидел рядом, когда она смеялась. Он сидел рядом, когда она молчала. Она не видела его, но чувствовала. Она чувствовала тепло, которое не могли дать ни солнце, ни одеяло.

Однажды Аня пришла во двор грустная. Это был день рождения мамы. Тот день, когда мама должна была бы праздновать, но не праздновала. Аня принесла с собой маленький букет ромашек — маминых любимых цветов. Она положила их на скамейку и села рядом.

— Мама, — сказала она. — Я знаю, что тебя нет. Но я хочу, чтобы ты знала: я тебя помню. Я помню, как ты читала мне сказки. Как ты заплетала мне косички. Как ты пекла блины. Я помню всё.

Она заплакала. Тихо, беззвучно. Слёзы текли по её щекам и падали на землю.

Грустный Ангел смотрел на неё. И его сердце — если у ангелов есть сердце — разрывалось от боли. Он хотел помочь. Он хотел обнять её. Он хотел сказать, что всё будет хорошо.

И тогда он вспомнил о пузырьке. О слёзах ангела.

Он достал пузырёк. Прозрачная жидкость блестела на солнце. Он посмотрел на Аню. На её слёзы. На её боль.

«Она не создана для того, чтобы видеть нас, — подумал он. — Но, может быть, она создана для того, чтобы знать, что мы есть».

Он открыл пузырёк и вылил его содержимое на землю. Прямо туда, где росли ромашки. Прямо туда, где сидела Аня.

И произошло чудо. Слёзы ангела впитались в землю. И из земли вырос цветок. Не обычный цветок — цветок из света. Он светился мягким, тёплым светом. И в этом свете Аня увидела... ангела.

Это длилось всего мгновение. Одно мгновение — но этого хватило. Аня увидела белые крылья. Увидела добрые глаза. Увидела улыбку — грустную, но нежную. И она поняла: она не одна.

— Мама? — прошептала она.

Ангел не ответил. Он просто улыбнулся. И в этой улыбке было всё: любовь, тепло, надежда. И Аня поняла. Она поня-

ла, что мама не ушла. Она просто стала чем-то другим. Чем-то, что всегда рядом. Чем-то, что нельзя увидеть, но можно почувствовать.

Цветок погас. Видение исчезло. Но Аня всё ещё чувствовала тепло. Она улыбнулась — по-настоящему, впервые за долгое время, — и пошла домой. К папе. К жизни. К будущему.

Глава седьмая: Возвращение

Грустный Ангел вернулся в Небесный Сад. Он не знал, как это произошло — он просто оказался там, на краю облака, откуда когда-то смотрел на землю. Его крылья были усталыми, но сердце — лёгким.

Хранитель Времени ждал его.

— Ты вернулся, — сказал он.

— Вернулся, — ответил Грустный Ангел.

— Ты помог ей?

— Не знаю. Может быть. Немного.

— Ты изменился?

Грустный Ангел задумался. Он посмотрел на свои руки — те же тонкие, нежные руки. Посмотрел на свои крылья — те же белоснежные крылья. Посмотрел на своё сердце — оно всё ещё болело. Но боль была другой. Не глухой, не безысходной. Светлой. Как будто кто-то зажёл в ней маленький огонёк.

— Я понял, — сказал он. — Я понял, что помощь — это не всегда действие. Иногда помощь — это просто быть рядом. Просто смотреть. Просто чувствовать. Просто не уходить.

Хранитель Времени улыбнулся.

— Ты вырос, — сказал он. — Ты стал ангелом.

— А разве я не был ангелом? — удивился Грустный Ангел.

— Был, — ответил старик. — Но ангел — это не только крылья и свет. Ангел — это тот, кто умеет любить, даже когда больно. Тот, кто умеет быть рядом, даже когда не может помочь. Тот, кто умеет грустить — и всё равно остаётся светом.

Грустный Ангел посмотрел на землю. Там, далеко-далеко, была Аня. Она сидела на подоконнике и смотрела на небо. Но теперь она не искала ангела. Она просто смотрела. И улыбалась.

И Грустный Ангел улыбнулся в ответ.

Эпилог: Ангел, который перестал грустить

Прошло время. Грустный Ангел по-прежнему смотрел на землю. По-прежнему видел боль, страдания, одиночество. Но теперь он знал, что делать. Он спускался на землю — невидимый, неслышимый — и садился рядом с теми, кому было плохо. Он не мог убрать их боль. Но он мог быть рядом.

Он сидел с мальчиком, который боялся темноты. Он сидел с девочкой, которую обижали в школе. Он сидел со стариком, который потерял жену. Он сидел с женщиной, которая потеряла работу. Он сидел со всеми, кто плакал, кто боялся, кто был один.

Он не мог им помочь. Но он мог быть рядом. И иногда этого было достаточно.

Другие ангелы перестали спрашивать, почему он грустит. Они поняли. Они поняли, что его грусть — это не слабость. Это сила. Это способность видеть боль и не отворачиваться. Это способность чувствовать чужую боль как свою — и всё равно оставаться светом.

А Хранитель Времени иногда приходил к нему. Он садился рядом и смотрел на землю вместе с ним.

— Знаешь, — сказал он однажды. — Ты больше не Груст-

ный Ангел.

— А кто я? — спросил ангел.

— Ты — Ангел, Который Был Рядом. Ты — Ангел, Который Не Ушёл. Ты — Ангел, Который Любил.

Грустный Ангел — теперь уже не Грустный — посмотрел на небо. Потом на землю. Потом на свои руки.

— Может быть, — сказал он. — Может быть.

Он больше не грустил. Но он всё ещё помнил. Помнил Аню. Помнил её слёзы. Помнил её улыбку. Помнил цветок из света. И он знал, что это — самое важное. Помнить. Быть рядом. Любить.

Потому что даже у ангелов есть сердце. И даже ангелы могут грустить. Но если рядом есть кто-то, кто держит за руку, — грустить не так страшно.

Так закончилась эта история. Но для Грустного Ангела — и для всех, кого он утешил, — началась новая. История о том, как грусть превращается в свет. О том, как одиночество превращается в близость. О том, как ангел, который грустил, научился улыбаться.

И где-то высоко-высоко, на краю облака, сидит ангел. Он смотрит на землю. И он улыбается. Потому что он знает: он не один. И те, кого он любит, — тоже не одни.

Конец.

Сказка о том, как нечисть лесная доброе дело делала

Пролог: Тёмная чаща и её обитатели

В самой глухой чаще Заповедного леса, куда даже солнечный луч боялся заглядывать, раскинулось необычное царство. Не было здесь ни дворцов, ни теремов — только избушка на курьих ножках, да дуб с сундуком, да болото с кочками, да пень, поросший мхом. Но жили в этом царстве существа, о которых люди рассказывали страшные сказки.

В избушке на курьих ножках жила Баба Яга — костяная нога. Была она старой-престарой, с длинным носом, крючковатыми пальцами и волосами, торчащими в разные стороны, как солома из старого матраса. Но не такая уж она была страшная, как про неё говорили. Просто одинокая. Просто никто не заходил к ней в гости — боялись. А она ждала. Пекла пироги. Вязала носки. Пела песни. Но никто не приходил.

Под корнями древнего дуба, в глубоком подземелье, жил Кощей Бессмертный. Был он худым, как жердь, с длинными пальцами и глазами, которые светились зелёным в темноте. Его смерть была спрятана в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце, заяц — в сундуке. Он сам иногда забывал, где именно, и подолгу искал. Кощей был скупым — собирал золото, серебро, драгоценные камни. Но богатство не радовало его. Он сидел на сундуках и вздыхал. Ему было скучно.

На болоте, в самой трясине, жила Кикимора. Была она маленькой, зеленоватой, с длинными волосами, которые всегда были мокрыми, и глазами, как у лягушки. Кикимора обожала проказничать: то тропинку запутает, то огонёк зажжёт, чтобы путник в трясину зашёл, то квакнет так, что все птицы разлетятся. Но когда никто не видел, она сидела на кочке и плакала. Потому что с ней никто не дружил.

В самой чаще, где деревья стояли так плотно, что не было ни тропинки, ни просвета, жил Леший. Был он высоким, с зелёной бородой из мха, с руками, как ветки, и глазами, как лесные озёра. Леший был хозяином леса — он знал каждое дерево, каждую травинку, каждого зверя. Но он был одинок. Люди боялись его, звери сторонились, а нечисть считала его слишком серьёзным.

А на опушке, где лес переходил в луг, под старым пнём жил Дед Мухомор. Был он маленьким, круглым, с красной шляпой в белый горошек и белой бородой, которая волочилась по земле. Дед Мухомор был самым старым в лесу — он помнил времена, когда деревья были маленькими, а люди ещё не пришли в эти края. Он был мудрым и добрым, но его никто не слушал. Потому что кто же станет слушать мухомора?

Так и жили они — каждый в своём углу, каждый в своём одиночестве. И никто не знал, что совсем скоро им придётся объединиться. Потому что в лес пришла беда.

Глава первая: Беда пришла тихо

Беда пришла не с громом, не с молнией, не с топотом копыт. Она пришла тихо, как туман. Сначала засохли цветы на полянах. Потом замолчали птицы. Потом листья на деревьях начали желтеть не осенью, а в разгар лета. А потом...

Потом дети начали исчезать.

Сначала пропал мальчик из деревни на краю леса. Потом девочка. Потом ещё один мальчик. Родители плакали, искали, ходили по лесу с факелами — но не находили. А те, кто возвращался, рассказывали странное: будто видели в глубине леса тень — высокую, тонкую, с горящими глазами. И эта тень уводила детей за собой.

Люди говорили: это Кощей. Это он крадёт детей, чтобы пополнить свою сокровищницу. Это он засушил лес, чтобы никто не мог пройти. Это он...

Но Кощей ничего не крал. Он сидел в своём подземелье и пересчитывал золото. Ему было не до детей.

А тень в лесу была. И она действительно уводила детей. Только не в подземелье, а в другое место.

Глава вторая: Кто виноват?

Слух о пропаже детей дошёл до избушки на курьих ногах. Баба Яга сидела у окна, пила чай из самовара и слушала сорок, которые принесли новость.

— Кошей детей крадёт, — трещали сороки. — Кошей! Кошей!

Баба Яга задумалась. Она знала Кошея много лет. Он был жадным, скупым, скучным — но детей он не крал. Он вообще не любил детей. Они шумели, бегали, задавали вопросы. Нет, это не Кошей.

Она решила пойти к нему и спросить.

Кошей сидел на сундуке и пересчитывал монеты. Когда Баба Яга вошла, он даже не поднял головы.

— Чего пришла? — проворчал он. — Если за золотом — не дам.

— Да нужно мне твоё золото, — фыркнула Баба Яга. — Дети пропадают. Говорят, ты крадёшь.

Кошей поднял голову. Его зелёные глаза сверкнули.

— Я? Детей? Зачем мне дети? Они шумные. Они грязные. Они всё ломают. Мне и без них скучно.

— А кто тогда?

— Не знаю. Но это не я.

Баба Яга поверила ему. Она всегда чувствовала, когда Кощей врал, — а врал он плохо. Она развернулась и пошла к болоту.

Кикимора сидела на кочке и плела венок из болотных цветов. Увидев Бабу Ягу, она испугалась и нырнула в трясину. Но Баба Яга была быстрее.

— Стой! — крикнула она. — Не трону! Спросить хочу!

Кикимора высунула голову из воды. Её глаза были красными — она плакала.

— Я не крала детей, — сказала она. — Я их не трогаю. Я только пугаю иногда. Но не краду.

— А кто крадёт?

— Не знаю. Но я видела тень. Она шла к сердцу леса. Туда, где живёт Леший.

Баба Яга пошла к Лешему.

Леший сидел на поваленном дереве и смотрел на засохшие цветы. Он был грустным.

— Леший, — сказала Баба Яга. — Дети пропадают. Ты знаешь что-нибудь?

Леший посмотрел на неё. В его глазах была боль.

— Я знаю, — сказал он. — Но я не могу остановить это. Это не человек. Это не зверь. Это что-то другое. Оно пришло из-за леса. Оно забирает детей. И я не знаю, как его победить.

— Кто это?

— Я не знаю. Но оно сильнее меня. Оно сильнее всех нас.

Баба Яга задумалась. Она чувствовала: здесь что-то не так. Что-то, чего она не понимает. И тогда она вспомнила о Деде Мухоморе.

Глава третья: Дед Мухомор говорит

Дед Мухомор сидел под пнём и курил трубку. Когда Баба Яга, Кощей, Кикимора и Леший пришли к нему, он даже не удивился. Он просто кивнул и сказал:

— Садитесь. Я знал, что вы придёте.

— Ты знаешь, что происходит? — спросила Баба Яга.

— Знаю, — ответил Дед Мухомор. — Это не Кощей. Это не Кикимора. Это не Леший. Это — Тень. Она пришла из мира людей. Это их страх. Их злость. Их жадность. Они забыли о лесе. Они перестали его любить. И лес начал умирать. А Тень — это то, что выросло из их забывчивости.

— Но при чём здесь дети? — удивился Кощей.

— Дети — это те, кто ещё помнит. Они играют в лесу. Они слушают птиц. Они верят в чудеса. Тень забирает их, потому что боится. Если дети вырастут и расскажут своим детям о лесе — Тень исчезнет. Вот она и крадёт их. Она хочет, чтобы лес остался без будущего.

Все замолчали. Это было страшно — страшнее, чем Кощей, страшнее, чем Баба Яга, страшнее, чем все сказки вместе.

— Что делать? — спросила Кикимора тихо.

— Тень нельзя победить силой, — сказал Дед Мухомор. — Она нематериальна. Она — как туман. Её можно только развеять. Но для этого нужно... — он помолчал. — Нужно, чтобы мы сделали доброе дело. Все вместе. Нечисть, которая никогда не делала добра. Если мы объединимся и спасём детей — Тень исчезнет. Потому что она питается страхом и злом. А доброе дело — это свет. Свет, который её убьёт.

— Мы? — переспросил Кощей. — Мы — нечисть. Мы не делаем добрых дел.

— Вот именно, — сказал Дед Мухомор. — Поэтому это и срывается.

Глава четвёртая: План

Они сидели под пнём всю ночь и думали. Каждый предлагал что-то своё.

— Я могу напугать Тень, — сказала Баба Яга. — Я умею быть страшной.

— Тень не боится страха, — ответил Дед Мухомор. — Она сама — страх.

— Я могу запутать её в болоте, — сказала Кикимора. — Я знаю все тропинки.

— Тень не ходит по тропинкам, — сказал Дед Мухомор. — Она проходит сквозь стены.

— Я могу завалить её деревьями, — сказал Леший. — Я хозяин леса.

— Тень не боится деревьев, — ответил Дед Мухомор. — Она сама — пустота.

— А я? — спросил Кощей. — Что могу я?

Дед Мухомор посмотрел на него.

— Ты можешь отдать своё золото, — сказал он.

Кощей побледнел — насколько может побледнеть тот, у кого зелёные глаза.

— Золото? Моё золото?

— Да. Ты соберёшь всё своё золото и отдашь детям. Каждому ребёнку — по монете. Они возьмут их в руки, и золото засветится. Потому что золото, отданное от сердца, светится. А свет — это то, что убьёт Тень.

Кощей задумался. Он копил это золото тысячу лет. Он пересчитывал его каждую ночь. Он не отдал бы его никому. Но...

Он вспомнил детей. Маленьких, глупых, шумных. Они бегали по лесу и смеялись. Они не боялись его — они вообще не знали, кто он. Им было всё равно. Они просто радовались.

— Ладно, — сказал он. — Я отдам золото.

— А я? — спросила Баба Яга. — Что я могу?

— Ты испечёшь пироги, — сказал Дед Мухомор. — Много пирогов. Для всех детей. Ты накормишь их, и они поймут, что ты не страшная. Ты — добрая.

Баба Яга задумалась. Она всю жизнь пекла пироги — но только для себя. Потому что никто не приходил. А теперь... теперь она испечёт для детей. И они придут.

— Хорошо, — сказала она. — Я испеку.

— А я? — спросила Кикимора.

— Ты покажешь детям болото, — сказал Дед Мухомор. — Не чтобы напугать, а чтобы показать: там красиво. Там растут кувшинки. Там живут лягушки. Там можно играть. Ты будешь их проводником.

— А я? — спросил Леший.

— Ты будешь их защищать, — сказал Дед Мухомор. — Пока они будут в лесу, ты будешь следить, чтобы Тень не подошла. Ты — хозяин леса. Ты можешь.

— А ты? — спросили все.

Дед Мухомор улыбнулся.

— А я буду ждать, — сказал он. — И верить в вас.

Глава пятая: Доброе дело

На следующий день они отправились в путь. Баба Яга пекла пироги с утра — с капустой, с яблоками, с грибами. Кошей собирал золото — он вытащил все свои сундуки и пересчитал монеты. Кикимора собирала кувшинки — самые красивые, самые яркие. Леший расчищал тропинки — чтобы дети могли пройти.

А Тень была где-то рядом. Она чувствовала: что-то изменилось. Что-то пошло не так. Она металась по лесу, но не могла найти детей. Потому что дети были не одни. С ними были те, кто раньше пугал их.

Первым к детям вышел Леший. Он вывел их из чащи — тихо, осторожно, — и сказал:

— Идите за мной. Я отведу вас домой.

Дети сначала испугались — высокий, зелёный, с бородой из мха. Но Леший улыбнулся, и его улыбка была доброй. Дети пошли за ним.

Потом их встретила Кикимора. Она сидела на кочке и плела венки из кувшинок.

— Возьмите, — сказала она. — Это вам. Красивые.

Дети взяли венки. Они пахли болотом и летом. И дети улыбнулись.

Потом их встретила Баба Яга. Она стояла у своей избушки, а на столе были пироги — горячие, румяные, ароматные.

— Садитесь, — сказала она. — Ешьте. Вы, наверное, голодные.

Дети сели и стали есть. Пироги были вкусными. Баба Яга смотрела на них и улыбалась. Впервые за много лет.

А потом вышел Кощей. Он нёс мешок с золотом. Он развязал его и сказал:

— Возьмите. По монете каждому.

Дети взяли монеты. И монеты засветились — мягким, тёплым светом. Потому что Кощей отдал их от сердца. Впервые в жизни.

Свет разлился по лесу. Он был тёплым, как солнце. Он был ярким, как звёзды. Он был живым, как смех детей.

И Тень — она закричала. Тихо, жалобно. Она стала таять, как туман. Она стала исчезать, как дым. Она стала растворяться в свете.

А дети ели пироги, играли с венками, держали в руках светящиеся монеты. И смеялись. И лес — он ожил. Листья снова стали зелёными. Птицы снова запели. Цветы снова расцвели.

Тень исчезла. Навсегда.

Эпилог: Новая жизнь

Дети вернулись домой. Родители плакали от счастья. Они обнимали их, целовали, спрашивали, где они были. Дети рассказывали: о Лешем, который вывел их из чащи. О Кикиморе, которая подарила им венки. О Бабе Яге, которая накормила их пирогами. О Кощее, который дал им золото.

Взрослые не верили. Они говорили: «Это сказки. Нечисть не бывает доброй».

Но дети знали: бывает. Они видели. Они чувствовали. Они помнили.

А в лесу — в самой глухой чаще — что-то изменилось. Баба Яга больше не сидела одна. К ней приходили дети — играть, слушать сказки, есть пироги. Кощей больше не считал золото. Он раздал его — и ему стало легче. Кикимора больше не пугала путников. Она показывала им болото — и они удивлялись, какое оно красивое. Леший больше не был одиноким. Он гулял по лесу с детьми и рассказывал им о деревьях, о птицах, о зверях.

А Дед Мухомор сидел под пнём и улыбался. Он знал: доброе дело изменило всех. И нечисть — она больше не была нечистью. Она стала просто лесными жителями. Другими. Хранителями.

Так закончилась эта история. Но для Бабы Яги, Кощей, Кикиморы, Лешего и Деда Мухомора началась новая. История о том, как страх превращается в дружбу. О том, как зло становится добром. О том, как даже самые страшные существа могут стать самыми лучшими друзьями.

Если, конечно, рядом есть кто-то, кто верит в них. И если они сами верят в себя.

Конец.

Рыцарь Элиан и Чаша Тишины

Пролог: Королевство, которое кричало

В королевстве Астерия, где замки царапали шпилем облака, а драконы давно стали вегетарианцами и питались исключительно одуванчиками, жил-был рыцарь по имени Элиан.

Надо сразу сказать: Элиан не был самым сильным рыцарем. Однажды он пытался поднять свой меч и уронил его себе на ногу — после этого он три дня хромал и делал вид, что это старая боевая рана. Он не был самым знатным — его замок состоял из одной башни и покосившейся конюшни, которая скрипела так, что соседи жаловались. Он не был самым красивым — его нос был немного длинноват, а уши торчали в стороны, как у летучей мыши. Он не был самым умным — он до сих пор путал «влево» и «вправо», что в бою создавало определённые трудности.

Но он был самым упрямым. Если Элиан что-то решал — он шёл к цели, как бык на красную тряпку. Ни дождь, ни ветер, ни насмешки, ни здравый смысл не могли его остановить. Это качество — упрямство — было его главным сокровищем. И именно оно спасло королевство, когда пришла беда.

А беда пришла в то лето. Её звали не Чума, не Война и не Голод. Её звали Шум.

Глава первая: Великий Шум

Это был не обычный шум. Не тот, к которому люди привыкли: не скрип телег, не лай собак, не крики торговцев на рынке. Это был Великий, Всепроникающий, Мозговой Скрежет. Он проникал в дома через щели в стенах, через закрытые окна, через заткнутые уши. Он был везде. Он был всегда. И от него не было спасения.

Сверчки стрекотали так, будто пилили камни — целыми днями, без перерыва, с остервенением. Птицы пели оперными голосами в четыре утра — и не простыми, а так, будто они учились в консерватории и хотели доказать, что они лучшие. Петухи кричали не «ку-ка-ре-ку», а что-то вроде «КУ-КА-РЕ-КУ-У-У-У!!!» — с такой силой, что стекла дрожали. Крестьяне на полях спорили так громко, что у коров скисало молоко, а куры перестали нестись. Кузнецы били молотами не в такт, а вразнобой — и от этого грохота болела голова у всех в радиусе десяти миль. Дети кричали, плакали, визжали — и не потому, что им было плохо, а просто потому, что тишина казалась им чем-то неприличным.

Король Астерии, старый и усталый, издал указ: «Тихий час — 24 часа в сутки». Глашатаи вышли на площади и прокричали указ — но их никто не услышал из-за грохота. Ко-

роль попробовал заклеить себе уши воском — но воск нагрелся и потёк, и король обжёгся. Король попробовал запретить шум под страхом казни — но палач сам так громко точил топор, что король сдался.

Шум победил. Королевство Астерия стало самым громким местом на земле. Люди перестали слышать друг друга. Они кричали, чтобы их услышали, — и от этого шум становился только громче. Они перестали слышать себя — и от этого теряли себя. Они забыли, как звучит тишина. Они забыли, что она вообще существует.

Элиан понял: так жить нельзя. Он смотрел на своё королевство — на людей, которые кричали, не слыша ничего, — и его сердце сжималось от боли. Он не мог это исправить. Но он мог попробовать.

Он надел свои лучшие доспехи — которые немного пищали при ходьбе, потому что были ему малы (он вырос, а доспехи остались те же). Взял щит, на котором с трудом уместил свой фамильный герб: три ромашки и один спящий кот. Кот был изображён так, будто он спал уже тысячу лет — и это было правдой, потому что Элиан рисовал герб сам, и кот получился именно таким: невозмутимым, спокойным, безмятежным. Потом он взял меч — тот самый, который иногда ронял себе на ногу, — и отправился в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.